

ГРИГОРІЙ ПЕТРОВЪ.

ПѢВЕЦЪ

ТОСКИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
„БИБЛИОТЕЧКА КОПЕЙКА“

СПБ., ТРОИЦКАЯ, 11
1911.

И обращается старый Иона со своею тоскою къ сѣдокамъ, съ которыми ѣдетъ на своей клячѣ. Къ дворнику, который стоитъ у воротъ. Къ молодому извозчику у себя на квартирѣ. Никому нѣтъ дѣла до тоски стараго Ионы. И старикъ идетъ въ конюшню, къ стойлу своей клячонки, той изливаетъ печаль свою.

Такъ на пяти страничкахъ А. Чеховъ рассказываетъ о смертной тоскѣ одинокаго человека, которому, чтобы повѣдать печаль свою, приходится идти въ конюшню, къ стойлу старой клячи.

— Скучно жить на бѣломъ свѣтѣ, господа,—говоритъ Гоголь.

— Скучно, дьяволъ, —кидаетъ Фаустъ Мефистофелю.

— Тоска, сплошная тоска,—положивъ ногу на ногу, обхвативъ колѣни руками и покачивая головою, съ глазами устремленными куда-то вдаль,—роняетъ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

И говорить о тоскѣ, самъ мучается тоскою А. Чеховъ не въ одномъ только рассказикѣ о старикѣ Ионѣ. Проходятъ передъ глазами Чехова молодые и старые, мужчины и женщины, военные и статскіе доктора и адвокаты, дѣтвора и старые профессора, актрисы,

писатели, чиновники, купцы, мужики и бабы, студенты и помѣщики, священники и архiereи, монахи и генералы, миллионеры-фабриканты и ихъ рабочіе. У всѣхъ ихъ рука Чехова на мигъ вскрываетъ передъ читателемъ тайники души, вездѣ сочится одна рана:

— Тоска.

И одни философствуютъ, стонутъ, кричатъ о своей тоскѣ. Другіе прячутъ ее даже отъ самихъ себя, скрываютъ ее подъ колодами картъ, подъ бутылками водки, подъ ворохами наряднаго тряпья, за скучными лекціями, за шумною, ненужною вознею, которую они почему-то называютъ дѣятельностью.

Посмотришь на все это,—сначала дѣлается смѣшно. Потомъ приглядишься—и становится скучно. Далѣе скука переходитъ въ тоску, и подъ конецъ дѣлается жутко. Весь этотъ кругъ настроеній прошелъ и А. Чеховъ, пѣвецъ русской тоски, отъ подавляющей кругомъ пошлости, тоски, по другой, лучшей, свѣтлой, радостной жизни.

* * *

— Скажите, Антонъ Павловичъ,—спрашивалъ я его въ послѣдніе годы жизни, сидя

съ нимъ въ кабинетѣ его ялтинской дачи, — какъ дается вамъ работа. Вы, что далѣе, то менѣе пишете. Вынашиваете подолгу?

— Настроеніе не то, — отвѣчаетъ Антонъ Павловичъ. — Прежде, бывало, я писалъ, какъ вотъ птица поетъ. Сяду и пишу. Не думаю, какъ и о чемъ. Само писалось. Я могъ писать когда угодно, что угодно и о чемъ угодно. Написать очеркъ, рассказъ, сценку мнѣ не стоило никакого труда. Я, какъ молодой теленокъ, жеребенокъ, выпущенный на вольный и свѣтлый просторъ, прыгалъ, скакалъ, брыкался, махалъ хвостомъ, моталъ смѣшно головою. Смѣялся самъ и смѣшилъ окружающихъ. Я бралъ жизнь и не задумываясь надъ нею, тормозилъ ее туда и сюда. Щипалъ ее щеколталъ, хваталъ за бока, тыкалъ пальцемъ въ бока, подъ грудь, хлопалъ по животу. Было самому весело, и со стороны, должно быть, выходило очень смѣшно.

Я, знаете ли, самъ иногда беру теперь прежніе рассказы, читаю и очень смѣюсь. Думаю: „вотъ какъ, писалъ“. Но скоро я замѣтилъ, что жизни, пожалуй, не до козлиныхъ и смѣшныхъ прыжковъ. Жизнь больна, измучена, съ разбитыми нервами...

А. Чеховъ взялъ со стола томикъ, развер-

нулъ, пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ и, очевидно, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ сказалъ:

— Вотъ что говорилъ у меня Ивановъ доктору Львову: „а жизнь, которую я пережилъ, — какъ она утомительна! Ахъ, какъ утомительна... Сколько ошибокъ, несправедливостей, сколько нелѣпаго!..“

— Около такой госпожи, — отложилъ А. Чеховъ книгу, — вкругъ скучной, утомительной и нелѣпой жизни не попрыгаешь и не поскачешь. Сядешь, да и задумаешься. Рука ужъ не такъ легко, какъ прежде набрасываетъ строки.

* * *

Задумавшись глубже надъ жизнью, отрянувъ до дна всю пошлость ея, А. Чеховъ не пришелъ, однако, въ отчаяніе отъ уродливостей, нелѣпости и грязи жизни. Онъ вѣрилъ въ жизнь, въ людей, въ русскаго человѣка, въ Россію.

Когда, бывало, при А. Чеховѣ жаловались на гнетъ реакціи времянь Сипягина и Плеве, когда вообще возмущались жизнью, пошлостью и бессмыслицею ея, — А. Чеховъ спокойно

вставалъ съ мѣста, закладывалъ руки въ карманы, начиналъ ходить по комнатѣ и съ едва-уловимою улыбкою вѣщаго мудреца, знающаго и хранящаго радостную тайну, увѣренно говорилъ:

— Погодите, скоро будетъ хорошо. Все будетъ хорошо.

И эта вѣра въ лучшее будущее у Чехова въ послѣднихъ его произведеніяхъ звучитъ, что дальше, то чаще и сильнѣе. И что гуще насѣдаетъ пошлость, то увѣреннѣе чеховскіе герои говорятъ о грядущей свѣтлой жизни. Въ «Трехъ сестрахъ» офицеръ Тузенбахъ, съ дѣтства воспитанный въ праздной и тунеядной жизни, тоскуетъ по трудѣ и мечтаетъ о приближеніи времени общаго дружнаго труда. Онъ говоритъ любимой имъ Иринѣ:

— Пришло время, надвигается на насъ громада, готовится здоровая и сильная буря, которая уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какія нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ каждый человѣкъ. Каждый!

Вѣчно пьяный, умственно-опустившійся полковой врачъ Чебутыкинъ возражаетъ Тузенбаху:

— Я не буду работать.

— Вы не въ счетъ,—поправляетъ Тузенбахъ.

* * *

Послѣднія двѣ фразы, Чебутыкина и Тузенбаха, должны быть приняты въ серьезный учетъ. Въ нихъ секретъ пониманія половины чеховской тоски. Вѣра въ свѣтлое будущее спасаетъ А. Чеховъ отъ отчаянія, но А. Чеховъ знаетъ что будущее придетъ не для Чебутыкиныхъ, не для Соленыхъ, не для всѣхъ этихъ хмурыхъ, лишнихъ, праздныхъ, пошлыхъ, ничтожныхъ людей. Ихъ пѣсня спѣта. Въ разсужденіяхъ о будущей жизни «они не въ счетъ».

Мало надежды и на самого Тузенбаха, и на подобно ему убѣжденныхъ въ свѣтлой радости будущаго. Тузенбаха повторяетъ и Вершининъ:

— Счастье—удѣлъ нашихъ потомковъ. Народятся люди, которые будутъ лучше насъ.

Повторяютъ сестры Повторяютъ Трофимовъ, Аня, даже Лопухинъ изъ «Вишневаго сада». Вишневый садъ уже проданъ. Его рубятъ, Аня должна покинуть его. И она не скорбитъ. Она бодро говоритъ матери: